

Чэнь Цянь, видя его серьезное выражение, молчал, храня холодное лицо. Юноша в поношенной, но чистой одежде упрямо смотрел на него.

Окружающие, видя, что зрелище закончилось, постепенно разошлись.

В этот момент мужчина заговорил:

— Этого человека я подарю наставнику?

Мужчина с грубыми чертами лица, который только что безжалостно хлестал кнутом, теперь смотрел на Чэнь Цяня с подобострастием, что вызвало у него лишь скуку.

Он достал из кошелька связку медных монет и протянул их мужчине.

Мужчина, конечно, не стал бы брать эти деньги, он начал благодарить Чэнь Цяня, приговаривая:

— Оставьте их себе, ой, наставник, вы слишком почтительны!

Чэнь Цянь просто положил монеты на землю рядом с ним.

Он потянул мальчика к себе, посмотрел на юношу:

— Не сменил хозяина.

С этими словами он повернулся и ушел. Мужчина хотел задержать его, губы шевелились, но так ничего и не сказал.

Мальчик явно был не в духе, все время пытался вырваться, но не мог освободиться от хватки внутренней силы Чэнь Цяня.

Его волосы были длинными, скрывая лицо, словно нарочно. Теперь из-за борьбы они развевались, и Чэнь Цянь увидел на его виске огненно-красное родимое пятно.

Юноша в грубой одежде заволновался:

— Куда ты его ведешь?

Глаза побежали.

— Может, и меня возьмешь? Я с трудом нашел Сяо Жуаня.

В голосе даже звучала обида.

Мальчик, услышав это, перестал бороться, смотрел на юношу с нахмуренными бровями, как маленький взрослый.

— Хорошо.

Это был именно тот результат, которого хотел Чэнь Цянь.

Юноша понял, что попал в ловушку, глаза расширились, лицо выдало колебания, но теперь это уже не зависело от него.

Наставник вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову, чтобы посмотреть через

улицу.

Там стоял юноша с изысканной внешностью, невероятно красивый, не сводящий глаз с Чэнь Цяня. Заметив, что тот смотрит на него, он на мгновение растерялся, но затем быстро взял себя в руки и подошел.

Его аура была мягкой, как весенний ветерок, но с примесью вызывающей жалость печали, словно тот, кто всего несколько минут назад в ресторане «Пэнлай» на востоке города смотрел со свирепостью и убийственным намерением, был не он.

Му Яо был не в духе.

Чэнь Цянь, идя по этой улице к мастерской деревянных изделий, ясно видел это.

Юноша, словно из упрямства, молчал, выглядел мягким и послушным до невозможности, но настойчиво следовал за ним.

Чэнь Цянь, глядя на него, даже хотел рассмеяться, и странное чувство обиды, вызванное тем юношей, мгновенно улетучилось.

Если бы Чжан Чжицин и другие узнали об этом, они бы, наверное, воскликнули:

«Наставник, вы плохо разбираетесь в людях!»

Чэнь Цянь не совсем понимал, почему тот был недоволен, но заметил, что после того, как двух мальчиков под присмотром его людей увели в гостиницу, настроение Му Яо немного улучшилось.

Он отдавал приказы с такой естественностью, что Чэнь Цянь тоже почувствовал: так и должно быть.

В конце концов, ему было все равно, как их поступят, если это сделает Му Яо счастливым — ничего плохого в этом нет.

Кстати, тот юноша был действительно торговым, кажется, он даже пытался угодить Му Яо.

Сяо Жуань был получше, очень крутой, молчаливый. Хотя это тоже плохо — он был жестоким парнем.

Мастерская называлась «Цяо Чжи», двухэтажное деревянное здание, стоящее на восточной улице. Чэнь Цянь вошел внутрь, и их тут же пригласили в заднюю комнату.

Их одежда была небедной, и такая ситуация, как семь лет назад, когда они пришли в семью Ван, стала для них привычной, как пить дать. Но особое почтение служителей все же бросалось в глаза, и Чэнь Цянь, не бывший в Чжунчжоу много лет, почувствовал странность.

А что было до переезда в семью Ван?

Му Яо признал наставником в десять лет, тогда он жил в загородном доме семьи Му под Цзиньлином. По разным причинам только родная сестра Му Яо иногда навещала его, да и то ненадолго.

Чэнь Цянь не знал, когда началась такая жизнь, Му Яо не рассказывал. Но он знал, когда она закончилась — когда пятнадцатилетнего Му Яо отправили в семью Ван.

Говорили, что его мать, которая давно исчезла бог знает где, попросила его помочь своему сводному брату, двенадцатилетнему Ван Цзиньюаню, который тогда стал главой семьи Ван.

В чужие семейные дела Чэнь Цянь не вмешивался, но он действительно чувствовал досаду и жалость. Детство Му Яо почти не знало радости.

Тот десятилетний потерявший голос ребенок был так похож на него, одинокого на Каменной горе. Сострадание вспыхнуло в сердце.

Тао Чжо была страстной женщиной, сестрой, спасшей его из бездны. Му Яо же спас он.

В основном потому, что этот мальчик был слишком послушным и слишком умным. В тот момент, когда он повернулся, чтобы уйти, услышав тихий плач, Чэнь Цянь больше не мог быть жестоким.

Чэнь Цянь осознал, что потерял нить мыслей, когда хозяин уже по приказу Му Яо подал чай «Серебряные иглы с горы Цзюньшань».

Он вздохнул: почему стоит только вспомнить прошлое, как мысли начинают блуждать?

Мужчина не хотел сидеть здесь впустую, хотя чай здесь действительно был ему по душе. Он не чувствовал аромата, но один вид чайных листьев поднимал настроение.

— Есть ли шкатулки, целиком сделанные из древесины зизифуса возрастом более ста лет? — Чэнь Цянь посмотрел на старика, медленно спросив.

Рука, поглаживающая чашку, замерла на мгновение, но затем сжала ее. Он хотел пить.

— Есть.

Старик поманил рукой, позвав работника принести вещь. Перед ответом Чэнь Цянь заметил, как старик украдкой посмотрел на Му Яо, но сделал вид, что ничего не заметил.

Такая почтительность действительно была странной, но это его не касалось.

Не успел он сделать глоток чая, как вещь принесли.

Чэнь Цянь поднял глаза и увидел, как Му Яо, словно отводя взгляд, отвернулся, кажется, он смотрел в его сторону. Чэнь Цянь не понял значения, не стал копаться и потому пропустил момент, когда кончики ушей Му Яо покраснели.

Чэнь Цянь выбрал две шкатулки из зизифуса разного размера, проверил, как крышка подходит к основанию, и собрался платить впереди.

Но Му Яо угрюмо произнес:

— Заплачено.

«Цяо Чжи» определенно была связана с семьей Ван. Чэнь Цянь понял это, но Му Яо не говорил, и он не спрашивал.

Юноша говорил, и на его лице все еще было написано «я не рад». Чэнь Цянь действительно не знал, что с ним делать. Это значило, что тот хотел, чтобы его утешили.

Он вдруг почувствовал растерянность, словно тех четыре года разлуки не существовало, и нынешний Му Яо был все тем же восемнадцатилетним юношей.

Очень сильно зависящим от него.

Чэнь Цянь так и не упомянул о внезапном отъезде четыре года назад. Во-первых, ситуация с Тао Чжо тогда была слишком критической, они не могли терять времени. Как бы то ни было, если бы такое повторилось, Чэнь Цянь поступил бы так же. Поэтому ему было стыдно, и он молчал. Во-вторых, отношение Му Яо было слишком естественным, словно его не волновал тот факт, что Чэнь Цянь ушел внезапно, не попрощавшись.

Чэнь Цянь с облегчением вздохнул, но в то же время почувствовал невыразимую утрату. Тот юноша тогда был лишен чувства безопасности, и при каждой разлуке он не мягко высказывал свою привязанность?

— Может, наставник ответит А Я поест кислой рыбы?

Му Яо любил это, Чэнь Цянь помнил. Кислая рыба в Цзиньлине действительно была знаменита, в Лояне — нет.

— Хорошо, я больше всех люблю наставника.

Чэнь Цянь увидел, как печаль с лица ученика исчезла, он улыбался, как солнце, естественно выражая свою любовь.

Наставник с облегчением вздохнул и лицо его смягчилось.

Напротив их гостиницы была харчевня «Рыбная записка». По словам хозяина гостиницы, это было лучшее место в Цзиньчэне, где готовили рыбу.

Когда Му Яо сияющими глазами посмотрел на Чэнь Цяня, наставник повел любимого ученика туда.

В харчевне было три этажа, они сидели у окна на втором. Ветви ивы были в досягаемости руки, трапеза обоих удалась.

Чэнь Цянь не мастер накладывать еду другим, но Му Яо привык прислуживать наставнику. Единственное, что потревожило Чэнь Цяня — это то, что по дороге снова прошла группа людей из семьи Лю.

Чэнь Цянь вспомнил предыдущий случай и после еды намекнул Му Яо на возможный союз семей Бай и Лю. Му Яо улыбнулся и сказал, что знает, добавив с шутливой улыбкой:

— Спасибо наставник за заботу.

Сегодня он улыбался чаще, чем за прошлые четыре года.

Чэнь Цянь, видя, что у того есть свой план, больше не стал поднимать тему.

— А Я, ты следишь за ситуацией в семье Му? Все ли у них хорошо?

Рука Му Яо, наливавшего воду наставнику, дрогнула.

— Всегда слежу, но не беспокою их жизнь.

Чэнь Цянь услышал и немного успокоился.

— А ученик знает, зачем семья Лю приехала в Цзиньчэн?

Му Яо не хотел обманывать Чэнь Цяня:

— ...Вероятно, с той же целью, что и наставник.

Чэнь Цянь был потрясен! Ученик знал об его отравлении? Его внимание сместилось, и он совсем не думал о том, сможет ли получить кость Цзычэньгу. Возможно, от чрезмерного потрясения он даже не смог контролировать выражение лица.

Наставник смотрел на him своими кошачьими глазами, и Му Яо почувствовал, как в сердце что-то зашевелилось.

Что-то, что жаждало выплеснуться наружу.

Он уже был уверен, что наставник небезразличен к нему, поэтому тот крайней мерой, о котором он думал, решил не выкладывать на стол.

<http://bllate.org/book/16807/1545632>